

Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте

© 2023

Анастасия Борисовна Хазова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; ahazova@hse.ru

Аннотация: В статье содержится обзор работ отечественных и зарубежных авторов, касающихся изучения компьютерно-опосредованной коммуникации с точки зрения лингвистики. Описываются особенности цифрового канала коммуникации, способные оказать влияние на разные уровни языка. Основное внимание уделяется тем исследованиям, которые посвящены изучению лексики, морфологии, синтаксиса и пунктуации текстов, порожденных в ходе интернет-коммуникации. Рассматриваются частные случаи количественного изучения этих уровней языка, делается вывод об особой подвижности лексического уровня. Отмечается смешанный характер заимствований из устной и письменной речи морфологических, синтаксических и пунктуационных признаков и подчеркивается механизм работы экономии языковых средств на каждом из уровней. В работе дается подробное описание исследований И. Карпова и А. Бодомо на корпусном материале, а также привлекается материал Национального корпуса русского языка. Кроме того, описываются работы, затрагивающие вопросы речевых паттернов коммуникации и code-switching. Особое внимание уделяется проблеме наследования черт устной и письменной речи компьютерно-опосредованной коммуникацией, показывается, как на разных уровнях происходит заимствование и трансформация многих элементов, а также поясняется, какие экстралингвистические факторы способны влиять на эти изменения. Отдельное внимание уделяется таким конструкциям, как благопожелания и обращения, а также их функционированию в различных интернет-пространствах (почте, мессенджерах, социальных сетях, форумах). В заключительной части статьи делается вывод о промежуточном положении компьютерно-опосредованной коммуникации между устной и письменной коммуникацией, а также обсуждаются перспективы изучения интернет-общения с помощью количественных методов.

Ключевые слова: интернет, корпусная лингвистика, обзор, обращения, переключение кодов, речевой этикет, устная речь, электронная коммуникация

Для цитирования: Хазова А. Б. Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте. *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 144–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.144-156

Linguistic studies of computer-mediated communication

Anastasiya B. Khazova

HSE University, Moscow, Russia; ahazova@hse.ru

Abstract: The article presents an overview of the work of Russian and foreign authors concerning the phenomenon of computer-mediated communication in linguistic perspective. We describe the features of the digital communication channel that can influence different levels of language, with special attention to the studies focusing on vocabulary, morphology, syntax, and punctuation of texts generated during Internet communication. We consider specific quantitative studies of these levels of language and note the special lability of the lexical level. We also demonstrate the mixed nature of borrowing morphological, syntactic, and punctuation features from spoken and written language and highlight the role

of the linguistic economy principle at each level. The paper gives a detailed description of the corpus studies by I. Karpov and A. Bodomo, and also draws on the material from the Russian National Corpus. In addition, the works dealing with the issues of speech patterns of communication and code-switching are described. Further, we address the problem of inheritance of features of spoken and written language by computer-mediated communication: we show how many elements are borrowed and transformed at different levels and explain which extralinguistic factors can influence those changes. Special attention is paid to such constructions as well-wishes and appeals, as well as their functioning in various Internet spaces (e-mail, messengers, social media, forums). The final part of the article summarizes the results, concludes about the intermediate position of computer-mediated communication between oral and written communication, and discusses the prospects for studying Internet communication using quantitative methods.

Keywords: code-switching, corpus linguistics, electronic communication, internet, oral discourse, survey, terms of address, verbal etiquette

For citation: Khazova A. B. Linguistic studies of computer-mediated communication. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 144–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.144-156

Введение

Компьютерно-опосредованной коммуникацией называют форму взаимодействия между людьми с использованием цифровых устройств. При появлении новых технических средств, которые могут облегчить и улучшить качество человеческого общения, происходит изменение устоявшихся способов коммуникации.

Тексты, порождаемые в ходе компьютерно-опосредованной коммуникации, безусловно, появляются не только в интернет-пространстве. Это и взаимодействие в ходе телефонных звонков и видеоконференций, и sms-переписка. Но заметно чаще исследователи выбирают предметом своего изучения тексты из сети Интернет (мессенджеры, социальные сети, блоги, электронная почта), потому что они являются наиболее доступными, машиночитаемыми, легко сохраняемыми и обрабатываемыми. Именно эти коллекции текстов и будут предметом изучения рассматриваемых нами статей.

Регулярно изменяющийся с технологической точки зрения канал взаимодействия, будь то компьютер, мобильный телефон или другое устройство, неизбежно влияет на электронное общение и возникающие в процессе тексты. Кроме того, он привносит в них различные элементы вариативности в зависимости от глубины этих изменений и может затрагивать как самые подвижные, так и более статичные уровни языка.

Изменение каналов коммуникации с помощью различных устройств, позволявших опосредованно в режиме реального времени обмениваться информацией, началось не с распространением персональных компьютеров, а с активного использования стационарных телефонов. Непосредственное общение постепенно дополнялось голосовым контактом через телефон [Ball 1968; Baron 1984]. Через некоторое время аналогичным образом компьютеры органично встроились в систему коммуникации и стали соседствовать с письмом и живой речью. Благодаря этому расширилось коммуникационное пространство и к уже привычным способам общения добавилось общение через интернет.

Исследования взаимодействия людей в интернете в основном касаются процессов, происходящих в языке вне зависимости от путей коммуникации. Мы сосредоточимся на работах, авторы которых рассматривают языковые особенности, возникшие под влиянием или по причине коммуникации с помощью различных цифровых устройств. Авторы этих исследований предпринимают попытку зафиксировать языковые изменения, демонстрирующие влияние устройств на текст на таких уровнях, как лексика, морфология и синтаксис. Также исследователи не обходят вниманием использование эмодзи, хэштегов и других специфических графических элементов [Галямина 2014]. Эти знаки предлагаются

платформами для эмоционального обогащения коммуникации, так как у пользователей нет возможности дополнительно воздействовать на адресата своего сообщения с помощью интонации, жестов, мимики и других внетекстовых проявлений эмоций.

Во многих работах отмечается, что в компьютерно-опосредованной коммуникации присутствуют черты как устной, так и письменной коммуникации [Dino, Gustilo 2015; Карпов и др. 2022: 17–18]. Есть множество механизмов наследования стилистических особенностей различных устоявшихся форм общения. Устное и письменное общение трансформировалось во множество цифровых форм — голосовые и текстовые чаты, электронные письма. Сама коммуникация с помощью электронных средств занимает промежуточное положение между коммуникацией лицом к лицу и заочным общением, не требующим моментальной реакции, сочетая их в различных видах [Baron 1984: 118].

В поле внимания современных лингвистов компьютерно-опосредованная коммуникация попадает часто. В большинстве своем эти работы посвящены внутриязыковым вопросам языка интернета как без учета воздействия внешних факторов [Crystal 2002; Кронгауз 2013; Punske et al. 2019; Добрушина, Борзенко 2022], так и с учетом влияния компьютерно-опосредованной коммуникации на языковую грамотность школьников и студентов [Watt 2010; Smirnov 2017].

Существует небольшой пласт исследований, посвященных влиянию цифровых средств на язык компьютерно-опосредованной коммуникации [Baron 1984; Bodomo 2010; Dino, Gustilo 2015]. Эти работы фокусируются на применении электронных устройств в качестве средств коммуникации и демонстрируют некоторые характерные изменения в языке, появившиеся за последние 20 лет. Кроме того, есть ряд работ русскоязычных авторов, отмечающих в рамках изучения интернет-коммуникации языковые особенности, продиктованные именно особенностями канала общения, см., например, [Какорина 2007; 2008].

В настоящей статье представлен обзор работ, затрагивающих лингвистический аспект влияния электронных устройств на компьютерно-опосредованную коммуникацию.

1. Влияние цифровых устройств текстового ввода на компьютерно-опосредованную коммуникацию с точки зрения лексики, морфологии, синтаксиса и пунктуации

В среде исследователей интернет-языка первопроходцем, постаравшимся в первом приближении описать компьютерно-опосредованную коммуникацию через особенности ее формирования при использовании цифровых средств с точки зрения языка, стал Адамс Бодомо. В своей книге «Computer-mediated communication for linguistics and literacy: Technology and natural language education» [Bodomo 2010] он обращается к темам перехода коммуникации с использованием технологий, изменения языка под влиянием интернета, а также возникновения понятия мультиграмотности, связанной с умением передавать различную информацию с помощью компьютеров и мобильных телефонов.

Как замечает исследователь, когда общение переместилось в плоскость использования персональных компьютеров, появилась возможность компенсировать недостаток эмотивной функции языка с помощью комбинирования разных типов медиа (текста, видео, музыки, изображений) [Ibid.: 6, 117]. Отличительной чертой его работы является использование корпуса текстов для подсчета различных языковых явлений — определенных слов и конструкций в корпусе, их частот, а также их появления у определенных групп. В отличие от многих работ, концентрирующихся на качественных методах исследования,

работа Бодома затрагивает область изучения количественных характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации. Именно такой взгляд на тексты позволяет работать с большим объемом материала и выделять те тенденции, которые могут остаться без внимания при «медленном чтении».

Среди русскоязычных работ отдельно стоит выделить исследование И. Карпова, Т. Крыловой и С. Тимошенко [Карпов и др. 2022], посвященное лингвистическому анализу электронного комментария в социальных сетях. В нем авторы на материале корпуса из 400 тысяч комментариев и 10 тысяч новостей рассматривают более 180 графических, морфологических и синтаксических признаков. Ссылаясь на хрестоматийные работы по компьютерно-опосредованной коммуникации Дэвида Кристала [Crystal 2006; 2011] и Янниса Андруцопулоса [Androutsopoulos 2011: 149], коллектив авторов предлагает методику количественного исследования интернет-комментария. На основе собранного корпуса исследователи выделяют тенденции, характерные для разговорной речи, описывают, как и в какой степени эти тенденции в сравнении с тенденциями письменной речи проявляются в электронном комментарии, демонстрируют специфику электронного комментария на уровне морфологии и синтаксиса. К морфологическим признакам авторы относят «признаки, основанные на морфологических характеристиках отдельных словоформ: частеречной принадлежности и значениях грамматических категорий», а к синтаксическим — «признаки, полученные в результате синтаксического анализа: синтаксические функции отдельных слов и данные о мультиграммах». В первом случае наибольший интерес представляют личные местоимения и частицы, во втором — причастные обороты, согласованные определения, обстоятельства и сочетания, несущие синтаксическую функцию частицы. В заключении на основе проведенного количественного анализа авторы делают вывод о промежуточном статусе компьютерно-опосредованной коммуникации по отношению к устной разговорной и письменной речи.

В последние 20 лет электронная коммуникация сосредоточена не только в плоскости компьютерного взаимодействия: различные приложения для общения также активно используются на телефонах, планшетах и других устройствах, позволяющих осуществлять текстовый ввод информации. Кроме того, благодаря развитию облачных сервисов, общение может происходить и внутри приложений для работы над различными типами файлов (комментарии в Google Docs и др., GitHub и пр.). Сейчас на пике популярности находятся сервисы для видео- и аудиоконференций, видеотрансляций, а также различные игровые пространства — все эти формы взаимодействия в сети не исключают возможность текстового общения. Таким образом, рассматривая любую коммуникативную активность человека в интернет-среде, мы приходим к выводу, что значительную долю такого взаимодействия составляет именно ввод текстовой информации.

Несмотря на то, что в онлайн-пространстве существует множество инструментов кодирования и передачи информации, язык во множестве случаев успешно адаптируется под компьютерно-опосредованный канал коммуникации и формирует набор характеристик, являющихся реакцией на особенности интернет-среды. Отметим, что большинство из них можно разбить на две группы.

Первая — это механизмы экономии, проявляющиеся на разных уровнях языковой системы, вторая — появление новых слов и конструкций. Примеры экономии языковых средств распределены неоднородно — на некоторых уровнях языка они почти не встречаются, в то время как на других представлены достаточно широко (например, в области лексики). Большая часть наблюдений исследователей касается изучения природы сокращений, которые могут быть представлены одной буквой или цифрой, заменяющей целое слово (*ate* — 8, *for* — 4), или изменять значение символа (*ss* — \$, *oo* — %). Их появление может быть мотивировано физическими характеристиками цифровых устройств и желанием пользователей максимально ускорить процесс коммуникации путем исключения из речи как можно большего количества элементов. Но при этом пользователи стараются сохранить максимально возможную информационную насыщенность сообщения.

Для начала рассмотрим наиболее отзывчивый к воздействию внешних факторов уровень языка — лексический. Проследивая связь между языковыми изменениями и технологиями, А. Бодомо отмечает появление особенностей, самая очевидная из которых — активное использование сокращений, диктуемое характеристиками устройств ввода. К ним относятся размер экрана, возможная скорость набора текста на клавиатуре и время отправки. В то же время, как отмечают Р. Мифтахова и Е. Морозкина [2012: 163] в статье «Влияние информационных технологий на развитие лингвистических норм», кажущееся «комфортным для отправителя» использование сокращений далеко не всегда позитивно воспринимается получателем из-за возможных трудностей с декодированием информации.

С. Бараса и М. Мус, кроме ранее упомянутых сокращений, останавливаются на более редком явлении — активном использовании «графонов». Так называются стилистически уместные искажения орфографической нормы, отражающие индивидуальные или диалектные нарушения фонетической нормы (англ. *lyf* ‘life’, *nyc* ‘nice’, *gutnyt* ‘good night’) [Barasa, Mous 2009: 239]. Для русского языка характерны графоны, передающие на письме устные близкие к просторечным стяжения: *чо, шо, ща, щас*.

Продолжая тему экономии языковых средств в интернет-коммуникации, Р. Мифтахова и Е. Морозкина [2012: 162] особо выделяют акронимы — вид аббревиатуры, состоящий из начальных букв слова или словосочетания. Стоит отметить, что в англоязычной среде большинство единиц такого рода образуется путем комбинирования букв и цифр, заглавных букв, редукции, а также через использование омофонов. Исследователи подразделяют акронимы на несколько видов и приводят следующую классификацию на основе способа их образования:

- акронимы предложений: *GTG* (*got to go*), *BRB* (*be right back*), *LOL* (*laughing out loud*), *imho* (*in my humble opinion*), *aka* (*also known as*);
- буквенные омофоны: *U* (*you*), *R* (*are*);
- комбинации буквенных и/или цифровых омофонов: *B4* (*before*);
- аббревиация (в терминологии авторов статьи — редукция слов): *tmr* (*tomorrow*), *coz* (*because*), *gd nite* (*good night*);
- комбинация начальных букв: *TTUL* (*talk to you later*).

Аналогичный подход к классификации акронимов обнаруживаем и у А. Бодомо [Bodomo 2010: 46]. Простота классификации позволяет успешно применять ее и для русскоязычной интернет-среды — почти к каждому способу образования удастся обнаружить более одного примера использования.

Приведем примеры для русского языка, воспользовавшись классификацией Р. Мифтаховой и Е. Морозкиной, исключив из нее буквенные омофоны, так как они не характерны для русскоязычного интернет-сообщества:

- акронимы предложений: *gg wp* (аналог *ggwp* — *good game well played*), *lol* (*lol* — *laughing out loud*), *aka* (*aka* — *also known as*), *кмк* (как мне кажется);
- комбинации буквенных и/или цифровых омофонов: *про100* (просто), *о5* (опять);
- аббревиация (в терминологии авторов статьи — редукция слов): *лвл* (аналог *lvl* — *level*);
- комбинация начальных букв: *ЕОТ* (есть одна тян — о нравящейся девушке).

Одним из популярных акронимов, возникших в начале 2000-х, можно назвать слово *лытдыбр*. Оно появилось как кириллическая транслитерация слова *lytdybr*, которое, в свою очередь, является примером замены кириллических букв на латинские в соответствии с раскладкой клавиатуры для слова *дневник* [Кутыркина 2011: 25].

Кроме того, стоит обратить внимание на усечения, играющие большую роль в интернет-коммуникации: *норм* — нормально, *пон* — понял, понятно, *хор* — хорошо.

Отдельно стоит отметить влияние цифровизации социальных практик на обогащение языков новыми словами. Представим некоторые примеры в таблице.

Таблица

**Примеры обогащения лексического состава русского языка
с помощью обозначений реалий интернет-среды**

Англоязычная коммуникация	Русскоязычная коммуникация	Значение
<i>to google</i>	<i>гуглить</i>	искать в поисковой системе (часто вне зависимости от названия самой поисковой системы)
<i>2ch (dvach)</i>	<i>двачевать</i>	выражать одобрение (от названия популярного имиджбора — интернет-форума, сфокусированного на размещении изображений)
<i>YouTuber</i>	<i>ютубер</i>	видеоблогер, преимущественно размещающий контент на платформе YouTube
<i>TikToker</i>	<i>тиктокер</i>	видеоблогер, преимущественно размещающий контент на платформе TikTok
<i>selfie</i>	<i>селфи</i>	фотографический автопортрет
<i>vlogger</i>	<i>влогер</i>	автор видеоблогов (безотносительно площадки хостинга видео)

Большая часть этих слов и выражений, по понятным причинам, отсутствует в основных толковых словарях [БАС-3], но отражается в таких проектах и изданиях, как [НРЛ; НРЛ 2021] (например, *зуминар*, *инстамаска*, *тиктокер*), а в дальнейшем освоенные единицы попадают в новые словари (например, *блогер* в [АТoS 2016, 1], ср. [РОС]), поскольку активно используются в коммуникации, являясь заимствованиями из английского языка. Часть из них можно назвать откликом на появившийся сервис или иную реалию современной коммуникации. Это слова, которые характеризуют некоторое устоявшееся действие или объект, существующие благодаря среде компьютерного взаимодействия (например, *блогер*, *мессенджер*, *отфотошопить*). Зачастую они обозначают объект или процесс, являющиеся неотъемлемой частью компьютерно-опосредованной коммуникации.

В электронных комментариях многие языковые единицы на уровне морфологии демонстрируют поведение, свойственное как устной разговорной [Земская и др. 2011], так и письменной речи.

К примеру, разговорные частицы *а*, *и*, *да* активно используются в интернет-переписке [Карпов и др. 2022] (примеры из [НКРЯ]):

- (1) [Герда (nick)] **Да** я сама не знаю, а что? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]
- (2) [Герда (nick)] **И** на кого ты злишься, если не секрет? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]
- (3) [Герда (nick)] **А** это была не издевка!
[agd-ardin (nick)] **А** что это было? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

Частицы, активное употребление которых больше свойственно разговорной речи, активно проявляют себя, поскольку выполняют контактоустанавливающую функцию. По данным цитируемой работы, чаще всего встречаются *ну* (4)–(5), *вот* (6)–(7), а также *а*, *и*, *да*, *же*, *вроде*, *только*, *прямо*, *просто*, *ведь*, *ни*, *неужели*, *разве*, *даже*.

- (4) [Герда (nick)] **Ну** я не в курсе ваших альтернатив... [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

- (5) [*Герда (nick)*] **ну** в субботу мы типа доотмечали, а в воскресенье ботала. [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]
- (6) [*Хасеки Хюрем Султан ???*] **Вот** собственно, хотелось бы узнать, что меня может ждать... какого рода иск он может подать? [Общение отца с ребенком. Есть возражения со стороны матери (05.05.2015)]
- (7) [*Хасеки Хюрем Султан ???*] Знаете, Простоумница, в этой семье уже погиб один ребенок, и ничему жизнь этих людей не научила. **Вот** так же, на даче... Смешного ничего я в этом не вижу. [Общение отца с ребенком. Есть возражения со стороны матери (05.05.2015)]

Личные местоимения занимают важное положение в интернет-общении, их количество в электронной коммуникации значительно превышает аналогичные показатели в письменном общении. Зачастую такие тексты диалогичны и пишутся с расчетом на функционирование 1 и 2 лица: так, в работе [Карпов и др. 2022: 14] приводится пример, в котором на шесть предложений встречается шесть личных местоимений.

Значительно меньше внимания исследователи компьютерно-опосредованной коммуникации уделяют синтаксису и пунктуации. А. Бодомо [Bodomo 2010: 115] предполагает, что при попытке сокращения длины предложения в области морфологии может наблюдаться редукция с сохранением ряда элементов, а на синтаксическом уровне — использование эллипсиса и сокращение различных функциональных элементов.

Исследователь выделяет два класса сокращений. Первый характеризуется с точки зрения сохранения лексической информации и тех пунктуационных знаков, которые имеют наибольшее значение для ее интерпретации (*Ты пойдешь со мной на ланч? / Ланч?*). Второй класс явлений выделяется на основе усечения ряда местоимений (*miss u terribly!*) или упрощенного использования показателей времени (*YES I RECEIVE*).

Заметим, что эти наблюдения справедливы и для русскоязычных участников интернет-коммуникации. Существует ряд особенностей реализации выделенных Бодомо явлений как в связи с особенностями структуры русского языка, так и с тем, что далеко не все подобные примеры мотивированы именно каналом коммуникации.

Часто наблюдаемое отсечение пунктуационных знаков в сообщениях англоязычных пользователей закрепилось и в русскоязычном сегменте. Но существует и обратная тенденция, характеризующаяся избыточностью пунктуационных знаков, когда для намеренного утрирования эмоциональной составляющей сообщения наблюдается сгущение пунктуации (ср.: *!!!Иадынадын,))0* — обозначение саркастической улыбки). Это явление наблюдается в основном в сообщениях, созданных при помощи ПК, что, как нам представляется, связано с более простым механизмом ввода подобных конструкций по сравнению с использованием клавиатур мобильных устройств, требующих переключения экранов символов.

Некоторые явления, например повторы, находят отражение только в устной коммуникации. Напротив, отсечение элементов предложения или сгущение пунктуационных знаков встречаются только в письменной речи. Но многие из них функционируют в обоих типах коммуникации. В качестве примера можно привести глагол «иду», который в составе слова-предложения может как использоваться в устной разговорной речи (*Идешь на обед? — Иду!*), так и быть коротким ответом с использованием электронных устройств (*— Ждем тебя в вестибюле. — Иду!*). Здесь же наблюдается и процесс опущения ряда элементов (местоимения, наречия) с сохранением информационной насыщенности. Можно предположить, что определенно-личные предложения (эллипсис у А. Бодомо применительно к англоязычной интернет-коммуникации) достаточно широко распространены в электронной коммуникации и особенно явно проявляют себя в менее формальных пространствах интернет-общения — форумах, социальных сетях, мессенджерах (пример из [НКРЯ]):

- (8) *[agd-ardin (nick)] Я тоже пойду только к четвертой паре*
[Герда (nick)] Чего делаешь?
[agd-ardin (nick)] Ты не поверишь! Сплю. [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

Обращают на себя внимание и полупредикативные конструкции, почти не встречающиеся в устной разговорной речи, но активно функционирующие в письменной. В среде интернет-коммуникации причастные и деепричастные обороты встречаются реже, чем в литературных текстах, но тем не менее присутствуют в достаточном количестве: *Я вот не могу слушать, зная, что это конечный список, как-то потоково могу только воспринимать музыку...* [Карпов и др. 2022: 12].

Что касается определений, то в интернет-коммуникации мы можем наблюдать и согласованные определения, но в компьютерно-опосредованной коммуникации они встречаются реже, чем в письменных текстах, согласно исследованию [Карпов и др. 2022: 9, 11], ср. пример из [НКРЯ]:

- (9) *Самый **простой** способ все же вспомнить пароль... попробуй подобрать сама.* [ICQ+QIP+Miranda (2006)]

Эти наблюдения позволяют нам сделать вывод о том, что компьютерно-опосредованная коммуникация занимает промежуточное положение между устной разговорной и письменной речью и наследует черты обоих типов коммуникации.

Языковые особенности современной компьютерно-опосредованной коммуникации, обнаруженные на материале английского языка, оказались справедливы и для других языков, в частности, китайской [Шемчук, Гусева 2019] и русской цифровой коммуникации. Их перечень и способы реализации значительно различаются, но общим оказывается основной принцип: большинство приемов направлено на увеличение скорости общения с помощью компьютеров и мобильных телефонов.

Наибольшему влиянию, как и в англоязычной среде, оказывается подвержен лексический уровень языка. Здесь мы обнаруживаем несколько приемов, помогающих сократить объем сообщений и при этом сохранить их информационную наполненность — это использование сокращений, графонов и акронимов. Кроме того, цифровизация социальных практик приводит к постоянному обогащению языка новыми словами.

На синтаксическом уровне главным механизмом экономии становится появление определенно-личных предложений. С точки зрения пунктуации обращают на себя внимание сгущение или сокращение пунктуационных знаков для усиления эмотивности.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что, появившись позднее и занимая промежуточное положение между устным и письменным типами взаимодействия, компьютерно-опосредованная коммуникация наследует и адаптирует важные для успешной электронной коммуникации языковые особенности. К этому выводу приходит И. Карпов с коллегами, отдельно отмечая, что нельзя говорить о прямом влиянии разговорной речи на электронную коммуникацию. По их мнению, «имеет место сходство коммуникативной ситуации: в похожих условиях начинают действовать похожие тенденции» [Карпов и др. 2022: 17]. Кроме того, мы можем наблюдать ограниченное влияние тенденций, характерных для письменной речи, на электронную коммуникацию на примере интернет-комментария.

2. Разговорные паттерны в области компьютерно-опосредованной коммуникации

Совмещение черт устного и письменного взаимодействия проявляется и на уровне паттернов коммуникации — наборов определенных лексических, синтаксических и других

особенностей, характерных для различных коммуникативных ситуаций и каналов общения. Изменчивость и нестабильность системы разговорных паттернов в компьютерно-опосредованной коммуникации становилась предметом исследования в ряде работ. В большинстве из них звучит идея о том, что перечень особенностей электронной коммуникации напрямую зависит от языка, на котором происходит взаимодействие.

Среди множества статей, обращающихся к вопросу использования коммуникативных паттернов, особняком из-за необычного использования этого термина стоит работа [Dino, Gustilo 2015]. Исследователи используют понятие «code-switching» для описания процесса переключения как между языками (когда в рамках одного речевого акта сосуществуют фразы на двух и более языках) [Androutsopoulos 2013: 667], так и между паттернами общения в разных коммуникативных ситуациях. Близкое понятие «code-mixing» (когда в рамках одной фразы сосуществуют слова на двух и более языках) хоть и имеет прямое отношение к компьютерно-опосредованной коммуникации, но не пересекается с областью существования речевых паттернов.

Отдельно стоит рассмотреть спонтанность и резкую смену языковой ситуации. Существует практика переключения с одного языка на другой в рамках одного речевого акта. Об этом подробно пишет Сандра Бараса в [Barasa 2016], особо отмечая, что при постоянном переключении это явление может укорениться в повседневной коммуникации и спонтанно использоваться в устном общении. Такие нарушения могут возникать в тех случаях, когда пользователь привыкает к определенному набору речевых клише и не всегда успешно подстраивается под изменившуюся языковую ситуацию, используя отличный от привычного канал коммуникации.

С. Бараса отмечает, что в ситуациях, когда нужно определить, насколько случайно возникло переключение кода, главная сложность заключается в том, что не вполне понятно, как измерять уровень спонтанности при наборе сообщений пользователями. Выходом автор видит построение некоторой психолингвистической модели для определения этого показателя, но открытым остается вопрос его количественного измерения.

В отечественной традиции существует пласт исследований, посвященных «переключению кода» [Багана, Блажевич 2010: 64], в которых это выражение обозначает именно те процессы, которые связаны с языковым переключением. Поэтому чтобы развести эти два понятия, в нашей работе мы будем использовать термин «переключение паттернов коммуникации» в отношении изменчивости речевых паттернов и их присутствия в языковом акте.

Стоит заметить, что в русскоязычном сегменте интернета мы встречаем как примеры переключения с одного языка на другой (code-switching и code-mixing), так и примеры переключения паттернов коммуникации. Первое относится к ситуациям, когда высказывание дополняется некоторым устоявшимся выражением (например, *if you know what I mean*).

Второе явление представляет собой набор механизмов и элементов, формирующих паттерны общения в рамках определенных коммуникативных ситуаций — деловой переписки, взаимодействия в социальных сетях. Некоторые из этих форм общения могут наследоваться из других типов коммуникации, например: обращения и подписи в электронной почте по образцу бумажных писем (*Дорогой..., с уважением* и т. д.). С наследованием этих конструкций приходит и необходимость соблюдения этих норм, адаптированная под цифровое пространство.

Самый распространенный фактор нарушения паттернов электронной коммуникации — это низкий уровень сетевой грамотности, который может выражаться в недостаточном усвоении норм коммуникации в определенной среде (в почтовой переписке, общении в мессенджере, социальной сети и форуме эти нормы различаются), а также в трудностях при использовании электронных средств коммуникации. Кроме того, возможно и сознательное нарушение устоявшихся шаблонов цифрового взаимодействия.

Ш. Хастрдова изучила корпус из 793 сообщений и классифицировала формы обращений в зависимости от типа ситуации — вход в какое-либо коммуникативное

интернет-пространство, выход из него, обращения в процессе беседы в чате. В перечисленных коммуникативных ситуациях чаще всего встречались следующие формы: существительные общего назначения (10), прозвища (никнеймы) (11), ласкательные выражения, личные местоимения (12) и невежливые формы (примеры из [Hastrdlova 2009]):

- (10) *james6 has JOINED the conversation.*
mike_in_pa has LEFT the conversation.
james6 : hi ladies
- (11) *Chief3212: there's some life. hello fatal*
FatalisticHomeRun: hey chief
- (12) *Guest_ButterflyBack has joined the conversation. (AJS summons)*
Guest_ButterflyBack: hi all (pre-conversational opening-greeting)

Кроме того, было отмечено, что больше половины бесед (56,3 %) начинались без специальных «открывающих» языковых конструкций, а завершение диалога часто происходило без каких-либо специальных маркеров (86 % случаев). Таким образом, мы можем наблюдать, как из ранее существовавшего паттерна бумажного письма произошло заимствование обращений в электронные письма и сообщения. При совершившемся переходе ослаб компонент «обязательности» этого элемента — если в электронных письмах с высокой долей вероятности мы встретим обращение к адресату (которое может в некоторых случаях выпадать после обмена несколькими письмами), то в случае с электронными сообщениями они могут вовсе отсутствовать или использоваться не всеми участниками коммуникации.

Понятно, что эти изменения возникли в связи с изменением канала коммуникации — общение в чатах зачастую носит более экономичный характер из-за увеличенной по сравнению с письмами скорости коммуникации. Часто при общении в мессенджерах пользователи хорошо знают своего адресата и опускают в продолжающейся переписке благопожелания вида [A + S] (*Доброе утро! Добрый день! Спокойной ночи!*).

Стоит учитывать, что трансформация паттернов коммуникации в электронных письмах и сообщениях происходит не только благодаря внутренним процессам (особенностям ввода, наследованию элементов из других форм общения, экономии языковых средств), но и под влиянием внешнего контекста. Помимо исчезновения конструкций благопожелания в одних случаях, в других может появляться ряд новых как ответ на какое-либо событие-аттрактор. Примером подобной трансформации можно считать активно используемое англоязычными пользователями в почтовой переписке «hope you are well», а также схожее по смыслу и распространившееся на фоне сложной эпидемиологической ситуации из-за COVID-19 в русскоязычной интернет-коммуникации «будьте здоровы».

Как и в устном общении, в компьютерно-опосредованной коммуникации возможно нарушение устоявшихся приемов взаимодействия. Например, использование в деловой переписке конструкций, графических знаков и выражений, свойственных общению в социальных сетях. Причинами этих нарушений может выступать множество экстралингвистических факторов.

Возникновение конфликтных ситуаций на почве смешения паттернов существует не только в устном общении, но и в поле компьютерно-опосредованной коммуникации. Кроме того, возникновение подобных ситуаций возможно при взаимодействии на разных языках и не является исключительным свойством русскоязычной или англоязычной интернет-коммуникации.

Например, С. Оливейра в статье [Oliveira 2013] повествует о конфликте на форуме одного португальского университета, развернувшемся на почве разногласий по поводу корректности обращений в университетской газете. В качестве обращения к обладателям научных степеней разного уровня предлагались несколько языковых конструкций. Один из пользователей обратился к другому с помощью формулы *Sr. FN + LN [Mr. First Name + Last Name]*, на что получил ответ, что языковая конструкция такого вида не может быть

использована, так как в ней нет прямого указания на степень того, к кому обращаются. Третий участник беседы заметил следующее:

- (13) *No. 'Sr. + FN' [Mr. + First Name] is impossible. It won't do. The Academic world is vast, diverse, open and has its fragility: the respect of a certain elegance is not imposed by law. It's just as well, but it imposes greater moral duty* [Oliveira 2013].

Заключение

В практике исследования компьютерно-опосредованной коммуникации существует множество направлений, рассматривающих как формальные характеристики текста, так и влияние экстралингвистических факторов. Важным аспектом цифрового общения является влияние канала коммуникации, которое прослеживается на разных уровнях языковой системы.

Исследователи отмечают, что максимальная интенсивность воздействия прослеживается на уровне лексики — появление новых языковых форм, использование акронимов, графонов, различные формы экономии языковых средств. На уровне морфологии отмечается гораздо меньшее воздействие, проявляющееся в повышении количества форм 1 и 2 лица по сравнению с письменной речью.

Синтаксическая составляющая интернет-текстов не менее интересна, но при этом оказывается мало изучена — на этом уровне языка мы встречаем небольшое количество причастных и деепричастных оборотов. Также иногда мы можем встретить эллипсис, но для уточнения особенностей его присутствия в интернет-коммуникации требуется проведение дополнительных количественных исследований (в русскоязычных текстах часто встречаются определительно-личные предложения). Перечисленные ранее особенности синтаксического уровня языка, используемого в компьютерно-опосредованной коммуникации, позволяют подтвердить догадку об активном использовании механизмов экономии языковых средств.

Между тем пунктуация оказывается затронута в значительно меньшей степени и в существующих работах характеризуется главным образом использованием сокращений и опущений. Вместе с тем заслуживает внимания и пристального изучения точка как чрезвычайно важный элемент сообщения, способный выступать в том числе знаком агрессии, давления. Привлекает внимание исследователей и орфография, изучаются и механизмы возникновения ошибок, и коммуникативная значимость орфографии в интернет-пространстве [Голев 2013; Кронгауз 2013; Галямина 2014].

Паттерны коммуникации, присущие как речевому, так и письменному общению, успешно наследуются интернет-коммуникацией и способны изменяться в зависимости от характера интернет-пространства — например, будут значительно различаться деловая переписка в корпоративной почте и общение с близким другом в мессенджере. Особое внимание обращают на себя благопожелания и обращения — их функционирование (и во многом появление) напрямую зависит от того, в каком интернет-пространстве были порождены рассматриваемые тексты.

Открытым и малоизученным остается вопрос нарушений в области применения паттернов коммуникации. Ясно, что такие нарушения могут иметь различные причины — от ошибочного распознавания языковой ситуации до незнания норм цифрового этикета и сложностей в освоении электронных устройств. Одна из сложностей изучения нарушений, в том, что их причины могут носить экстралингвистический характер. К сожалению, пока не существует достоверной методики как качественной оценки, так и количественного измерения этих параметров, поскольку часть из них мотивирована спонтанностью коммуникации.

Описанные ранее особенности позволяют сделать вывод о промежуточном положении компьютерно-опосредованной коммуникации между устной разговорной и письменной речью. Интернет-пространство, порождающее большое количество текстов, несмотря на ряд ограничений в выражении эмотивной функции, всячески поощряет авторов через множество экстралингвистических факторов к использованию индивидуального стиля. Этому способствуют как конструкция устройств и их физические параметры, так и интерфейсные решения, а также расширение семантики текста через использование дополнительных медиаэлементов (видео, стикеры, gif-изображения). Ранее проведенные исследования обнаруживают следы письменной и устной разговорной речи почти на всех уровнях языковой системы и открывают новые возможности для изучения этой формы коммуникации качественными и количественными методами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АТoS 2016 — *Академический толковый словарь русского языка*. Т. 1: А—ВИЛЯТЬ. / Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
- БАС-3 — *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–. СПб., 2004–.
- НРЛ — *Новое в русской лексике. Словарные материалы*. <https://neolex.iling.spb.ru>
- НРЛ 2021 — *Новое в русской лексике. Словарные материалы—2019*. Ридецкая Ю. С. (отв. ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- РОС — Русский орфографический академический словарь. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. <https://orfo.ruslang.ru>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Багана, Блажевич 2010 — Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 2010, 12: 63–68. [Bagana Zh., Blazhevich Yu. S. On code-switching. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*, 2010, 12: 63–68.]
- Галямина 2014 — Галямина Ю. Е. Лингвистический анализ хештегов Твиттера. *Современный русский язык в Интернете*. Ахапкина Я. Э., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014, 13–22. [Galyamina Yu. E. Linguistic analysis of Twitter hashtags. *Sovremennyy russkii yazyk v Internetе*. Akharkina Ya. E., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2014, 13–22.]
- Голев 2013 — Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*, 2013, 5(25): 12–30. [Golev N. D. Russian written colloquial language and its reflection in routine metalinguistic consciousness of virtual communication participants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2013, 5(25): 12–30.]
- Добрушина, Борзенко 2022 — Добрушина Е. Р., Борзенко Е. О. Языковая игра с падежным окончанием -ов, или Как падонки сменились котиками. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2022, 81(4): 81–88. [Dobrushina E. R., Borzenko E. O. Playing with the case marker -ov, or How padonki were succeeded by kitties. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatura i yazyka*, 2022, 81(4): 81–88.]
- Земская и др. 2011 — Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. *Русская разговорная речь*. М.: Флинта, 2011. [Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'* [Colloquial Russian]. Moscow: Flinta, 2011.]
- Какорина 2007 — Какорина Е. В. Язык Интернет-коммуникации. *Язык массовой и межличностной коммуникации*. Засурский Я. Н. (ред.). М.: Медиа-Мир, 2007, 393–478. [Kakorina E. V. Language of Internet communication. *Yazyk massovoi i mezhlichnostnoi kommunikatsii*. Zasurskii Ya. N. (ed.). Moscow: Media-Mir, 2007, 393–478.]
- Какорина 2008 — Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр). *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже*

- XX–XXI веков. Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2008, 549–578. [Kakorina E. V. Media and Internet communication: Internet forum as a new communicative genre. *Sovremenniy russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008, 549–578.]
- Карпов и др. 2022 — Карпов И. А., Крылова Т. В., Тимошенко С. П. Комплексный лингвистический анализ электронного комментария в социальных сетях. *Русский язык в научном освещении*, 2022, 1: 9–43. [Karpov I. A., Krylova T. V., Timoshenko S. P. The language of comment in social networks: An overview of morphological and syntactic features. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022, 1: 9–43.]
- Кронгауз 2013 — Кронгауз М. А. *Самоучитель Олбанского*. М.: АСТ, 2013. [Krongauz M. A. *Samouchitel' Olbanskogo* [Self-teaching book of Albanian]. Moscow: AST, 2013.]
- Кутыркина 2011 — Кутыркина Л. В. Устный и письменный язык: встреча в пространстве Рунета. *Вестник МГУП*, 2011, 12: 12–25. [Kutyorkina L. V. Spoken and written language: An encounter in the space of Runet. *Vestnik MGUP*, 2011, 12: 12–25.]
- Мифтахова, Морозкина 2012 — Мифтахова Р. Г., Морозкина Е. А. Влияние информационных технологий на развитие лингвистических норм. *Вестник Башкирского ун-та*, 2012, 17(1): 162–163. [Miftakhova R. G., Morozkina E. A. Influence of IT on evolution of linguistic norms. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, 17(1): 162–163.]
- Шемчук, Гусева 2019 — Шемчук Ю. М., Гусева М. Д. Тенденции обновления словарного состава обиходного языка путем перехода в него интернет-лексем. *Язык и культура*, 2019, 45: 121–133. [Shemchuk Yu. M., Guseva M. D. Tendencies of renewal of colloquial lexicon through borrowing Internet-lexemes. *Yazyk i kul'tura*, 2019, 45: 121–133.]
- Androutsopoulos 2011 — Androutsopoulos J. Language change and digital media: A review of conceptions and evidence. *Standard languages and language standards in a changing Europe*. Kristiansen T., Coupland N. (eds.). Oslo: Novus Press, 2011, 145–159.
- Androutsopoulos 2013 — Androutsopoulos J. Code-switching in computer-mediated communication. *Pragmatics of computer-mediated communication*. Herring S., Stein D., Virtanen T. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 667–694.
- Ball 1968 — Ball D. W. Toward a sociology of telephones and telephoners. *Sociology and everyday life*. Truzzi M. (ed.). Hoboken (NJ): Prentice Hall, 1968, 59–75.
- Baron 1984 — Baron N. S. Computer mediated communication as a force in language change. *Visible Language*, 1984, 18(2): 118–141.
- Barasa 2016 — Barasa S. Spoken code-switching in written form? Manifestation of code-switching in computer mediated communication. *Journal of Language Contact*, 2016, 9(1): 49–70.
- Barasa, Mous 2009 — Barasa S., Mous M. The oral and written interface in SMS: Technologically mediated communication in Kenya. *Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap Occasional Series*, 2009, 15: 234–242.
- Bodomo 2010 — Bodomo A. *CMC for linguistics and literacy*. Hong Kong: IGI Global, 2010.
- Crystal 2002 — Crystal D. Language and the Internet. *Transactions on Professional Communication*, 2002, 45(2): 142–144.
- Crystal 2006 — Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Crystal 2011 — Crystal D. *Internet linguistics: A student guide*. New York: Routledge, 2011.
- Dino, Gustilo 2015 — Dino C., Gustilo L. Digitalk: An exploration of the linguistic features of CMC. *International Journal of Languages, Literature, and Linguistics*, 2015, 1: 51–55.
- Hastrdlova 2009 — Hastrdlova S. *Language of Internet Relay Chat*. Ph.D. diss. Brno: Masaryk Univ., 2010.
- Oliveira 2013 — Oliveira S. M. Address in computer-mediated communication. *Pragmatics of computer-mediated communication*. Herring S. C., Stein D., Virtanen T. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 291–313.
- Punske et al. 2019 — Punske J., Butler E. Do me a syntax: Doggo memes, language games and the internal structure of English. *Amperсанд*, 2019, 6: 1–9.
- Smirnov 2017 — Smirnov I. The digital flynn effect: Complexity of posts on social media increases over time. *Social informatics*. Ciampaglia G., Mashhadi A., Yasseri T. (eds.). Oxford: Springer, 2017, 24–30.
- Watt 2010 — Watt H. J. How does the use of modern communication technology influence language and literacy development? A review. *Contemporary Issues in Communication Science and Disorders*, 2010, 37: 141–148.